

УДК 159.9.075

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ДЕЛИНКВЕНТНОЙ
ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СФОРМИРОВАННОСТИ ФУНКЦИЙ
ПРОГРАММИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ**

**THE VALUE-SEMANTIC SPHERE OF THE DELINQUENT
PERSONALITY IN THE CONTEXT OF FORMED PROGRAMMING AND
CONTROL FUNCTIONS**

*Старосельцева Ольга Владимировна
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: kusnetsova_Olga.1988@mail.ru*

*Staroseltseva Olga Vladimirovna
Altai State University, Russia, Barnaul
e-mail: kusnetsova_Olga.1988@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностно-смысловой сферы делинквентной личности в контексте сформированности функций программирования и контроля. Выделены основные нейропсихологические синдромы, свойственные для лиц, совершивших особо тяжкие преступления и характерные для них особенности ценностно-смысловой сферы.

Abstract. The article presents the results of the empirical study of the value-semantic sphere of the delinquent personality in the context of formed programming and control functions. The study identified the main neuropsychological syndromes peculiar for the persons who have committed especially grave crimes and the specific features typical of their value-semantic sphere.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, делинквентная личность, функции программирования и контроля, нейропсихологические синдромы, особо тяжкие преступления.

Key words: value-semantic sphere, delinquent personality, programming and control functions, neuropsychological syndromes, especially grave crimes.

Избрание данной темы исследования определяется актуальностью вопросов работы с социально-ненормативным (девиантным) поведением и профилактики такого поведения. О личностных особенностях как психологической основе противоправного поведения говорили такие исследователи как К.Е. Игошев, Г.Г. Бочкарева, Ю.А. Васильева, В.Н. Кудрявцев [1, 2, 3]. Д.А. Леонтьев писал о личностных смыслах как о «новые, независимые от потребностей регуляторы поведения» [4].

Таким образом, психологической основой делинквентного поведения, на наш взгляд, на ряду в нарушение программирования и контроля деятельности

является несформированность ценностно-смысловой регуляции, как в количественном, так и в качественном отношении.

Наше исследование проводилось на базе отделения судебно-психиатрических экспертиз Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана. В исследовании участвовали лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений и находящиеся на данный момент на судебно-психиатрической экспертизе (42 лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений против жизни и здоровья; 17 лиц, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних).

Методы исследования:

1. Экспериментально-психологическое обследование (нейропсихологическое обследование функций блока программирования, регуляции и контроля деятельности, тест смысловых ориентаций (СЖО), методика «Ценностный спектр», метод мотивационной индукции (ММИ), тест «Кто Я».

2. Методы математико-статистической обработки (корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный анализ).

Нами было выявлено, что для лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений против жизни и здоровья и против половой неприкосновенности личности свойственно преимущественное поражение таких нейропсихологических факторов как: нейродинамическая составляющая, нарушения функций программирования и контроля.

Для **первой группы** подэкспертных было характерно нарушение работы заднелобных отделов головного мозга, с которыми связан кинетический нейропсихологический фактор. При поражении или функциональной недостаточности данной области и выпадении кинетического фактора нарушается процесс смены звеньев психической деятельности и плавность перехода от одного звена к другому. Деятельность таких пациентов характеризуется общей ригидностью.

Респонденты с синдромом нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий при поражении заднелобных отделов мозга такие категории как «любовь» (не жизненная, $p=0,040$; завершенная, $p=0,038$), «человек» (не уникальный, $p=0,025$; полный, $p=0,038$), «Я» (не завершенное, $p=0,045$), «прошлое» (не легкое, $p=0,066$; не жизненное, $p=0,032$), «настоящее» (не осмысленное, $p=0,040$; не целостное, $p=0,019$; не жизненное, $p=0,033$; не необходимое, $p=0,019$) оцениваются достаточно негативно. А вот оценки категорий «смерть» (осмысленная, $p=0,030$; целостная, $p=0,030$; единство противоположностей, $p=0,030$; полная, $p=0,030$; простая, $p=0,003$) и «будущее» (осмысленное, $p=0,034$; единство противоположностей, $p=0,040$; полная, $p=0,030$; уникальное, $p=0,040$;) схожи и являются положительными по направленности.

На наш взгляд, это можно объяснить теми тяжелыми психотравмирующими обстоятельствами, в которых находятся подэкспертные в момент проведения исследования (предъявление обвинения в особо тяжком преступлении, заключение под стражу, судебный процесс). Так же у данной категории респондентов с дисфункцией заднелобной области головного мозга доминирующей чертой является ригидность и трудности переключения, что приводит к невозможности отвлечься от этих психотравмирующих обстоятельств. Именно поэтому имеет место неудовлетворенность собой, своим прошлым и настоящим. А вот идеальным будущим представляется то, в котором присутствует уход из жизни. Такой финал для этих респондентов является наиболее желанным, осмысленным, простым, закономерным в противовес будущему, в котором присутствуют долгие годы отбывания наказания. По этой же причине, на наш взгляд, не редки у подэкспертных этой группы суицидальные мысли (которые они часто высказывали в ходе экспериментально-психологического обследования).

При выполнении методики «Кто Я» респонденты этой группы реже отмечали коммуникативные характеристики своего Я ($r=-0,555$; $p=0,011$), и реже акцентировали свою причастность к группе друзей ($r=-0,401$; $p=0,027$).

Такие подэкспертные замыкаются на своей проблеме, своем негативном эмоциональном состоянии, мыслях о, кажущимся ужасным, будущем. Они в меньшей степени, чем остальные склонны к общению, к поддержанию и созданию дружеских связей. Это лишает их возможности использования такой эффективной копинг-стратегии, как «социальная поддержка». Подобное обстоятельство снижает адаптационные возможности респондентов этой группы. Испытуемые этой группы чаще давали ответы, который можно классифицировать как проблемная идентичность (я ничто, не знаю – кто я, не могу ответить на этот вопрос). То есть у таких подэкспертных имелись вообще сложности в описании собственных характеристик (проблемная идентичность).

Подэкспертные с синдромом нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий при выполнении ММИ чаще отмечали мотивацию физического самосохранения ($r=0,593$; $p=0,006$). Они выражали стремление оставаться физически независимыми или страх оказаться в физической зависимости от других. Данная мотивация была актуальна для всех групп подэкспертных и является отражением тех неблагоприятных условий, в которых они находились (ограничение свободы). Так же такие респонденты реже указывали цели, связанные с определенными своими способностями ($r=-0,463$; $p=0,040$), что также подтверждает невысокую оценку своего Я у данных респондентов.

Во **второй группе** испытуемых ведущим являлся синдром нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов головного мозга. Ведущий признак в структуре этого синдрома - диссоциация между относительной сохранностью произвольного уровня активности и дефицитарностью в произвольной регуляции психических процессов.

Респонденты с нарушением программирования и контроля деятельности при выполнении методики «Ценностный спектр» достоверно чаще оценивали «любовь» как завершённую ($p=0,039$), а «будущее» как необходимое

($p=0,048$). Таким образом, подэкспертные этой группы воспринимают свое будущее (отбывание наказания) смиренно, как необходимость.

При выполнении методики «*Кто Я*» испытуемые второй группы чаще отмечали такую социальную характеристику как «отдых» ($r=0,480$; $p=0,032$), наличие положительной валентности идентичности ($r=0,483$; $p=0,031$), деятельной идентичности ($r=0,681$; $p=0,001$), что позволяет высоко оценить их эмоционально-волевые и коммуникативные способности. Это характеризует данную группу респондентов как способных сосредоточиться на себе, сдержанных, взвешенных в поступках, дипломатичных, ответственных, деловых, социально смелых, активных, уверенных в себе, настойчивых в достижении цели, умеющих работать с собственной тревогой, напряжением, сохранять эмоциональную устойчивость.

При выполнении ММИ они чаще были озабочены своим физическим самосохранением ($r=0,460$; $p=0,041$), физической автономией ($r=0,813$; $p=0,000$), отмечали мотивацию социального контакта с противоположным полом ($r=0,568$; $p=0,001$).

Также нами был проведен корреляционный анализ нейропсихологических проб и теста СЖО. Респонденты с нарушением программирования и контроля деятельности имели более низкие показатели по шкалам «цели в жизни» ($r=-0,632$, $p=0,004$; $r=-0,632$, $p=0,004$), «локус контроля – Я» ($r=-0,503$, $p=0,028$; $r=-0,543$, $p=0,016$), «локус контроля – жизнь» ($r=-0,506$; $p=0,027$), «общий показатель осмысленности жизни» ($r=-0,549$; $p=0,015$). То есть таких испытуемых характеризует отсутствие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Они живут сегодняшним или вчерашним днем, не верят в свои силы контролировать события собственной жизни, придерживаются идеи фатализма, убеждены в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Таким образом, респонденты данной группы оказываются более адаптированными к условиям заключения, чем подэкспертные с дисфункцией

кинетического нейропсихологического фактора. Они не ставят для себя дальних целей на будущее (которые в условиях заключения оказываются фрустрированными), а живут сегодняшним днем. Так же они не отказываются от такой адаптивной копинг-стратегии как социальная поддержка. Респонденты этой группы не пытаются контролировать события своей жизни в условиях, в которых это вообще не возможно (условия заключения под стражу). Все это способствует более уравновешенному и положительному эмоциональному состоянию подэкспертных.

В **третьей группе** преобладали нарушения работы медиальных отделов лобных долей (первый блок мозга по Лурией А.Р.- блок активации и тонуса) связан модально-неспецифический (энергетический) нейропсихологический фактор.

При выполнении ММИ они демонстрировали более высокую мотивацию социальных контактов ($r=0,559$; $p=0,010$). При этом их общение больше имело реципрокный характер ($r=0,588$; $p=0,006$), а также они в большей степени склонны формулировать цели для других ($r=0,588$; $p=0,006$). Такие подэкспертные чаще стремились иметь социальные контакты с членами семьи ($r=0,588$; $p=0,001$), друзьями ($r=0,574$; $p=0,008$). Таким образом, респонденты этой группы хотят, чтобы другие вступали с ним в тот или иной контакт, выражают свои желания, надежды или опасения, касающиеся других людей. Для них другие играют активную роль, а сам субъект является объектом их активных действий. В данном случае другими являются члены семьи и друзья подэкспертного.

Респонденты с нарушением медиальных отделов лобных долей достоверно чаще оценивали «настоящее» как уникальное ($p=0,069$) и простое ($p=0,049$), а «будущее» как простое ($p=0,049$), совершенное ($p=0,035$). То есть такие подэкспертные достаточно положительно оценивают свое настоящее и будущее, несмотря на условия лишения свободы.

Респонденты второй группы при выполнении методики «Кто Я» чаще отмечали свои учебно-профессиональные характеристики ($r=0,454$; $p=0,045$). А

в тесте СЖО имели более высокие показатели по шкалам «процесс жизни» ($r=0,545$; $p=0,016$), «локус контроля – Я» ($r=0,693$; $p=0,001$). Испытуемые воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Они считают, что обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о ее смысле.

Таким образом, можно сказать, что подэкспертные этой группы так же как испытуемые с дисфункцией префронтальных отделов головного мозга, достаточно хорошо адаптированы в условиях ограничения свободы. Основным ресурсом для них так же является социальная поддержка. Но в отличие от респондентов с нарушением функции программирования и контроля их социальные контакты носят пассивный характер, так как такой тип взаимодействия требует затрат меньшего количества энергии, которой при дисфункции энергетического нейропсихологического фактора и так не достаточно.

Четвертую группу составили респонденты, у которых на первый план выступал синдромом эмоционально-личностных и мнестических расстройств при поражении базальных отделов лобных долей. Нарушения психической деятельности в этой группе обусловлены связью базальных отделов лобных долей с образованиями «висцерального мозга». Именно поэтому у таких респондентов преобладают монотонность и обедненность аффективной сферы, неадекватность эмоционального реагирования, недостаточная критичность, парадоксальное сочетание импульсивности и ригидности.

Подэкспертные с синдромом эмоционально-личностных и мнестических расстройств достоверно чаще оценивали «человека» как завершенного ($p=0,015$), не жизненного ($p=0,062$), «Я» как совершенное ($p=0,015$), «прошлое» как целостное ($p=0,036$), «настоящее» как самодостаточное ($p=0,015$), совершенное ($p=0,015$), справедливое ($p=0,015$), «будущее» как уникальное ($p=0,036$), самодостаточное ($p=0,000$), совершенное ($p=0,015$), завешенное

($p=0,015$), «любовь» как не единство противоположностей ($p=0,006$), не совершенство ($p=0,006$).

Таким образом, подэкспертные с синдромом эмоционально-личностных и мнестических расстройств в отличие от других групп положительно оценивают свое Я (совершенное), прошлое (целостное), настоящее (самодостаточное, совершенное, справедливое) и будущее (уникальное, самодостаточное, совершенное, завершенное). На наш взгляд, это связано с недостаточной критичностью этих респондентов, неполной оценкой обстоятельств в которых они находятся, а также не адекватностью прогноза собственных перспектив.

При выполнении ММИ испытуемые этой группы чаще акцентировали внимание на мотивации, относящейся к личности ($r=0,446$; $p=0,049$), физической автономии личности ($r=0,470$; $p=0,036$). Также они в большей степени демонстрировали мотивацию активности и работы ($r=0,481$; $p=0,032$), познавательную мотивацию (потребность в информации или понимании, в исследовании разного рода объектов и ситуаций, в познании мира и себя) ($r=0,500$; $p=0,025$). Такие респонденты чаще упоминали мотивационные объекты, относящиеся к метафизической или трансцендентальной области ($r=0,673$, $p=0,001$; $r=0,548$; $p=0,015$; $r=0,578$; $p=0,009$). Данное преобладание происходит преимущественно за счет негативистических или нигилистических мотиваций, таких как не существовать или надеяться, что жизнь не имеет смысла. Также присутствует мотивация физического самосохранения ($r=0,555$; $p=0,011$), которая характерна для всех групп испытуемых.

Таким образом, в мотивационных объектах этой группы подэкспертных (кроме традиционно актуальных у всех респондентов самосохранения и автономии) в большей степени усматривается отрыв от реальности (которая предусматривает условия лишения свободы, перспективу жесткого приговора, длительного срока отбывания наказания), проявление интереса к познанию окружающего мира, себя, смысла жизни, смысла своего существования и т.д.

Подэкспертные четвертой группы в тесте СЖО имеют более высокие показатели по шкале «локус контроля – Я» ($r=0,607$; $p=0,006$). Это

характеризует их как имеющих представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле.

Можно сделать вывод о том, что главными характеристиками респондентов с синдромом эмоционально-личностных и мнестических расстройств является не критичность, нереалистично позитивная оценка собственной личности, своего прошлого, настоящего и будущего, попытки поиска новых смыслов жизни, отказ от адаптации в сложившихся не радужных обстоятельствах.

Таким образом, в результате эмпирического исследования нами были сделаны следующие **выводы**:

1. При поражении заднелобных отделов головного мозга, то есть кинестетического фактора основной характеристикой психической деятельности является ригидность. Они оказываются наименее адаптированными к условиям заключения под стражей. Вследствие ригидности и трудности переключения, респонденты этой группы не могут отвлечься от психотравмирующих обстоятельств, в которых они оказались. Имеет место неудовлетворенность собой, своим прошлым и настоящим. А вот идеальным будущим представляется то, в котором присутствует уход из жизни, что приводит к частому появлению суицидальных мыслей. Также их положение ухудшает то, что они, как правило, склонны отказываться от социальной поддержки.

2. Подэкспертные с поражением префронтальных отделов головного мозга более адаптированы к условиям заключения, чем подэкспертные из первой группы. Они не ставят для себя далеких целей на будущее (которые в условиях заключения оказываются фрустрированными), а живут сегодняшним днем. Так же они не отказываются от такой адаптивной копинг-стратегии как социальная поддержка. Респонденты этой группы не пытаются контролировать события своей жизни в условиях, в которых это вообще не возможно (условия

заклучения). Все это способствует более уравновешенному и положительному эмоциональному состоянию подэкспертных.

4. Подэкспертные с поражением медиальных отделов лобных долей головного мозга демонстрируют снижение энергетического потенциала. Они достаточно хорошо адаптированы в условиях ограничения свободы и основным ресурсом для этого является социальная поддержка. Но в отличие от респондентов предыдущей группы их социальные контакты носят пассивный характер, так как такой тип взаимодействия требует затрат меньшего количества энергии, которой при дисфункции энергетического нейропсихологического фактора и так не достаточно.

5. Главными характеристиками респондентов с синдромом эмоционально-личностных и мнестических расстройств является не критичность, нереалистично позитивная оценка собственной личности, своего прошлого, настоящего и будущего, попытки поиска новых смыслов жизни, отказ от адаптации в сложившихся не радужных обстоятельствах. В мотивационных объектах этих подэкспертных в большей степени усматривается отрыв от реальности, проявление интереса к познанию окружающего мира, себя, смысла жизни смысла своего существования и т.д.

Библиографический список

1. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков - правонарушителей // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благондежной. - М.: Педагогика, 1972. - С. 259-350.

2. Кудрявцев И.А., Сафуанов Д.С., Васильева Ю.А. Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками. // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. - 1985. - № 12. - С. 1837-1842.

3. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. - М.: Юридическая литература, 1968. - 175 с.

4. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности: Дисс... канд. психол. наук. - М., 1987. - 249 с.